

ВЧЕРАШНИЕ НОВИНИ

К вопросу о «нетеатральном» зрителе

МОЖЕТ БЫТЬ, и у вас на столе лежит морская раковина, которая напоминает вам о дальних штормах и прибоях. Приложишь ее к уху — и слышишь шум волны. Конечно, это лишь намок на настоящую волну, настоящий прибой, но все же... Вот таким же отдаленным намеком на истинную драму, настоящую жизнь представляется нам пьеса В. Шаврина «Семья Плахова» в постановке Харьковского русского драматического театра, приехавшего на гастроли в Белгород. Кстати, пьеса была в свое время остро раскритикована в печати.

Гастроли, достаточно широко разрекламированные, по существу сорвались. После двух представлений «Плахова» зритель в театр не пошел... В разговоре с нами очень милый администратор гастрольной труппы его же, зрителя, и обвинил... Ну, разумеется, в «нетеатральности».

Было это давно, но гастроли — дело всегда актуальное: едва закончится один гастрольный сезон — начинается подготовка к другому. И тут весьма важно не повторять ошибок прошлого.

Что и говорить, театральность пока не является главным достоинством Белгорода. Но давайте попробуем встать на позицию рядового зрителя и его доброжелательными глазами глянем на то, чем «заявил» о себе приехавший на гастроли театр.

Мы увидим совершенно идеального старика Плахова (по ходу действия нам сообщаются некоторые детали его славной биографии) и не менее идеальную его подругу (биография тоже в пьесе «прилагается»), которую все в шутку зовут «дядя Оля». У них идеальные же дети — Петр, Саша, Андрей. А весь узел драмы в том, что дети, оказывается, приемные, и Плахов, собрав их на свой день рождения, мучается: признать ли им или нет? Нам-то сразу ясно, что признание дети «воспримут правильно» и будут по-прежнему считать Плахова своим отцом. Но это нам, зрителям, ясно, а герой все терзается, а драматург все нагнетает на этом направлении страсти, которые быстро становятся вполне мелодраматическими.

А параллельно — личные судьбы героев. Петр подолгу и с необыкновенной умирительностью беседует со своей идеальной подругой Ириной на тему: «Мальчика или девочку?». Андрей вот-вот женится на очень скромной (призванной, по спектаклю, смешить своей застенчивостью) девушке Нонне. А вот Саша... Тут драма: ей скоро тридцать, а она все не замужем. Она по-прежнему любит Майского, в молодости романтика, а затем вдруг изменившего высоким идеалам — женившегося («сдался», как он сам говорит) на совершенно ограниченном, патологически хищном существе «с глазами гиены». С первого знакомства с Аглаей мы решительно не можем постичь, что же столь долгие годы объединяет умного и романтического (как это задано по пьесе) Майского с вульгарной женщиной, обладающей лишь одним видимым достоинством — отменным аппетитом (по ходу действия она все время ест, что, видимо, должно нас смешить). И сразу же ясно, что Майский ближе к финалу найдет в себе могучие силы, расстанется с хищницей, вернется к обаятельной, умной, красивой (и прочая, и прочая) Саше.

Мы так обстоятельно говорим о драматургическом материале по той прискорбной причине, что он, судя по всему, вполне устроил режиссера В. Ненашева. Во всяком случае мы не только не увидели в сценическом варианте стремления как-то преодолеть слабости пьесы, но, наоборот, заметный акцент и на мелодраматизме ситуаций, и на «трогательности» штампов.

Когда читаешь на афише: «драма», предполагаешь острый жизненный конфликт, столкновение значительных страстей и характеров. В пьесе В. Шаврина и спектакле харьковчан вместо драмы — надуманная мелодрама.

А гастрольная афиша обещала еще построенную по тем же законам схематической мелодрамы пьесу А. Андреева «От имени любви» (серьезная театральная критика уже не однажды обстоятельно анализировала и это крайне слабое произведение). А дальше шла комедия с многообещающим названием «Как я отдыхал».

И зритель не пошел в театр. И гастроли сорвались.

Можно бы, конечно, умолчать об этом печальном событии, сделав вид, что ничего не произошло. Можно еще раз уличить безответного зрителя в «нетеатральности». Но лучше, по-нашему, во всем разобраться трезво и попробовать извлечь из случившегося урок.

Спросим себя прямо: не сам ли театр способствует порой этой самой пресловутой зрительской «нетеатральности»? Ведь произведения тех же Шаврина и Андреева еще недавно шли и на белгородской сцене; и вот мы как бы встречаемся со вчерашним днем... И особенно обидно, что в этот вчерашний день возвращает нас такой уважаемый театр, как харьковский, на который нам хотелось бы смотреть, как на законодателя высокого вкуса.

И тут встает другой, более общий вопрос: об организации гастролей в так называемые «малые» города, где один профессиональный театр, нет собственной филармонии, крепких симфонических оркестров и т. д. С молчаливого согласия местного управления культуры считается, что в этом городе пока «пойдет» в основном эстрада, популярные (благодаря радио и телевидению) исполнители современных песен, а уж коли драма, то неприятельная, «общедоступная» (читай: с уклоном в мелодраму, в комическое и «трогательное»). И едут в такой город нескончаемым потоком случайные «концертные бригады», цыганские ансамбли, «шлягерные» певцы. Редко-редко появится большой музыкант или оркестр (причем приезд их рекламируется, как правило, весьма бледно). Снисходительно (как мы видим в случае с харьковчанами) относятся организаторы гастролей и к репертуару приезжающих театральных коллективов. И срабатывает та же логика: «Белгород пока не очень театральный город, покажем что-либо «на потребу»...

Получается, между прочим, замкнутый круг. И чтобы всерьез воспитывать зрительский вкус, надо этот круг разорвать. И сделать это можно лишь при помощи самого высокого, интеллектуального и художественно полноценного искусства.

А. ПОТАПОВ.

БЕЛГОРОД.

Соб. Харьк. 1968. 25 авг.